

Барахоева Нина Мустафаевна

К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ТИПОВ ИНФОРМАЦИИ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается проблема передачи типов информации в системе глагола ингушского языка. Прослеживается связь категории эвиденциальности с другими глагольными категориями ингушского языка. Кроме того, устанавливается система типов информации, свойственная ингушскому языку, и система грамматических форм ингушского языка, специализированных на выражении типов информации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-3/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 3. С. 67-70. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

4. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба: роман / пер. с англ. А. Кривцовой, Е. Ланна. М.: Эксмо, 2009. 800 с.
5. Кристева Ю. Жест: практика или коммуникация? // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004. С. 114-135.
6. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни [Электронный ресурс] // Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб., 1994. <http://coollib.com/b/217076/read> (дата обращения: 11.05.2016).
7. Мардиева Л. А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 3 (15). С. 202-209.
8. Сонин А. Г., Махнин П. Н. Экспериментальное исследование восприятия изобразительно-вербальных рекламных текстов // Вопросы психолингвистики. М., 2004. № 2. С. 77-91.
9. Dickens C. The Posthumous Papers of the Pickwick Club. London: Chapman and Hall, 1837. 640 p.

MEANING-GENERATING POTENTIAL OF THE ICONIC ATTRACTOR IN THE STRUCTURE OF A POLYCODED LITERARY TEXT

Babich Ekaterina Vyacheslavovna

*Autonomous Nonprofit Organization of Higher Education University of the Russian Innovative Education
ekaterina-babich@yandex.ru*

By the example of the text of the illustrated novel by Charles Dickens "The Posthumous Papers of the Pickwick Club" the article analyzes the complementary-orienting function of the iconic part of a polycoded literary text. The important tools of the analysis are the verbal and visual categories of intertextuality and precedent. It is noted that the greatest meaning-generating potential is typical for the precedent visual phenomena, introduced by the artist taking into account the emotional-semantic dominant of the text.

Key words and phrases: polycoded literary text; coding; precedent; intertextuality; polycodes.

УДК 81.35

В статье рассматривается проблема передачи типов информации в системе глагола ингушского языка. Прослеживается связь категории эвиденциальности с другими глагольными категориями ингушского языка. Кроме того, устанавливается система типов информации, свойственная ингушскому языку, и система грамматических форм ингушского языка, специализированных на выражении типов информации.

Ключевые слова и фразы: тип информации; эвиденциальность; перфект; плюсквамперфект; аналитические формы глагола; очевидность действия; заглазность действия.

Барахоева Нина Мустафаевна, д. филол. н., доцент
*Ингушский научно-исследовательский институт им. Ч. Э. Ахриева
Ингушский государственный университет, г. Магас
b1arahoi@rambler.ru*

К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ТИПОВ ИНФОРМАЦИИ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Современный ингушский язык богат формами, выражающими значение *эвиденциальности*, близкого по своему содержанию к модальным значениям [2; 10].

По своему содержанию, а именно по выражению отношения высказывания к действительности, эвиденциальность сближается с категорией модальности. В то же время эвиденциальность связана также и с категорией времени, так как общее значение времени охватывает все глагольные действия, т.е. действие всегда каким-либо образом ориентировано во времени.

Значение данной категории в языкознании определяется как выражение указания на источник информации.

Отметим также и то, что эвиденциальность на уровне грамматическом находит свое оформление не во всех языках, а точнее сказать, является как бы категорией редкой и мало знакомой для европейских языков. Тем не менее, сегодня эвиденциальность в языкознании рассматривается в качестве языковой универсалии [3]. И это вполне обоснованно.

В исследованиях по нахско-дагестанским языкам уже давно существует традиция выделения так называемых «заглазных» форм глагола, а также глагольных форм со значением «очевидности» действия, которые, по своей сути, противостоят первым.

Следует отметить, что категория эвиденциальности в системе нахских языков не подвергалась системному анализу.

Характеризуя структурные значения категории эвиденциальности (а мы склонны рассматривать данную категорию в нахских языках как грамматическую, словоизменительную категорию), очевидно, нужно указать на то, что данная категория входит в тот комплекс категорий и значений, которые связаны с проблематикой реализации предикативных категорий и актуализационных признаков высказывания. Как известно, по мнению В. В. Виноградова, категория предикативности включает в себя целый комплекс категорий, характеризующих отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего [4, с. 53-87].

Точка зрения говорящего, рассматриваемая в качестве исходной для определения отношения содержания высказывания к действительности, становится весьма актуальным моментом при изучении тех элементов теории предикативности, которые в современной лингвистике связываются со значениями лица, времени, модальности, а также, на наш взгляд, и со значением эвиденциальности.

Полагаем, что значения эвиденциальности, наряду с другими значениями глагола, следовало бы отнести к сфере предикативности (во всяком случае, материал ингушского языка дает нам основания делать такие предположения).

Сам термин «эвиденциальность» получил известность после статьи Р. О. Якобсона в 1957 году, где данный термин применялся в отношении к болгарскому языку. Далее этот термин был закреплен в языкознании исследованиями других лингвистов [10].

Итак, суть значения эвиденциальности, как было отмечено, сводится к выражению источника сведений говорящего относительно сообщаемых им фактов. Для языков европейского типа такая категория не является грамматически оформленной и чаще всего выражается использованием словосочетаний типа «у меня на глазах», «я был свидетелем того, что...» – когда говорящий хочет подчеркнуть, что он был свидетелем этой ситуации, и словосочетаний типа «по слухам», «как говорят» – когда говорящий хочет подчеркнуть недостоверность информации.

В ингушском языке нами выделяются глагольные формы, употребляя которые, говорящий указывает на очевидность или неочевидность ситуации, на опосредованность или неопосредованность, непосредственность (достоверность) информации и т.п., т.е., употребляя эти формы, говорящий не может не сообщить о том, каким образом он узнал о данной ситуации.

Как известно, в системе эвиденциальных значений выделяют обычно значения различия источников информации о ситуации по двум признакам: 1) является ли говорящий сам свидетелем ситуации, имел ли он доступ к событию (информация прямая или косвенная); 2) имел ли говорящий личный доступ к источнику информации о событии – прямому или косвенному. Соответственно различают и два типа информации: непосредственную и опосредованную информацию о событии.

По определению, всякая прямая информация есть информация непосредственная, т.е. говорящий был участником ситуации, косвенная же информация делится на три типа информации: 1) информация, полученная говорящим лично, например, говорящий не видел само событие, но видел его результат; 2) информация, полученная от вторых лиц, т.е. говорящий не видел ни события, ни результат события, а получил информацию о событии от второго лица, непосредственно являвшегося свидетелем, очевидцем события; 3) информация, полученная от третьих лиц. Этот фактор существенен для некоторых языковых грамматических систем. Исходя из этого, думается, что типы источников информации можно распределить следующим образом: прямая информация – в случае, когда говорящий был участником или наблюдателем событий; и непосредственная информация – в случае, когда говорящий наблюдал лишь результат события; косвенная информация – в случае, когда говорящий не видел событие и результат; и опосредованная информация – в случае, когда говорящий узнал о событии от вторых лиц [8, с. 321-326]. Надо отметить, что в зависимости от структуры языка весь этот комплекс эвиденциальных значений и форм разнится, конкретизируется.

Проблематика эвиденциальности не становилась предметом специального исследования в системе нахских языков. Однако, в работах, так или иначе связанных с разработкой проблем глагола в нахских языках [5], указывалось на наличие в системе глагольных форм нахских языков наклонений со значениями очевидности и неочевидности (заглазности) действия [Там же, с. 170].

«Наклонение очевидности – категориальная форма модальности со значением действия, очевидцем которого являлся говорящий... наклонение неочевидности – категориальная форма модальности со значением действия, очевидцем которого говорящий не являлся» [Там же]. При этом Т. И. Дешериева обращает внимание на наличие заглазных форм наклонений лишь в бацбийском языке в сфере прошедшего времени в грамматиках типа *альаиэнор-ал-о / оказывается, сказал* [Там же]. Присутствие заглазных форм в системе бацбийского глагола отмечается и в работе [9, с. 92-111]. В этой связи отметим, что в нахской лингвистике формы со значением заглазности (неочевидности) действия ни в чеченском, ни в ингушском языках до сих пор не выделялись. Соответственно, не анализировалась и сама категория эвиденциальности, на наш взгляд, последовательно представленная в нахских языках. Формы с эвиденциальными значениями регулярно образуются от любой глагольной лексемы данных языков.

Данная категория, как нам представляется, является словоизменительной категорией в нахских языках, так как имеет свои маркеры в структуре глагольной формы. Так, значение очевидности действия передается аффиксом *-ар*: *вод-ар / шел (я видел)*, значение же неочевидности действия передается аналитическими формами перфекта и плюсквамперфекта типа *ваха хиннав / шел (ушел), оказывается*.

При анализе категории эвиденциальности отметим, что для ингушского языка актуален, на наш взгляд, приведенный выше перечень типов источников информации и типов самой информации. Для ингушского языка характерно выражение значения прямой информации (формами прошедшего времени совершенного вида и несовершенного вида), а также и значения косвенной и опосредованной информации.

Надо заметить, что значения эвиденциальности в ингушском языке выражаются лишь в системе форм прошедшего времени. Так, формы прошедшего времени совершенного и несовершенного вида имеют значения «очевидности действия», т.е. говорящий сам был свидетелем действия, о котором он сообщает: *оалар – аьлар / говорил – сказал, соьар – саььар / останавливался – остановился* и т.д.

Здесь мы имеем дело с реализацией эвиденциального признака «прямая информация»; кроме того, и форма перфекта ингушского языка, на наш взгляд, имеет значение выражения прямой информации. Так, в следующем контексте *Из цIагIа вац: балха вахав / Его дома нет: ушел на работу* употребление формы перфекта *вахав / ушел* говорящим вызвано необходимостью подчеркнуть факт, что говорящий сам наблюдал ситуацию ухода лица, если же мы заменим в этом контексте форму перфекта на форму плюсквамперфекта, изменится и содержание смысла высказывания именно в отношении источника и типа информации: *Из цIагIа вацар: балха вахавар / Его дома не было: ушел на работу*. Употребление формы плюсквамперфекта *вахавар / ушел* в данном контексте вызвано, на наш взгляд, тем, что говорящий хочет подчеркнуть косвенность сообщаемой им информации, а именно, тот факт, что при реализации события сам говорящий не присутствовал, а доступ к фактам, о которых он сообщает, имел, т.е. в семантике данной формы заложена информация, которую говорящий получил в результате своего визита, но не с чьих-то слов, а просто установив тот факт, что искомого лица дома не оказалось. В связи с этим вызывает интерес то, что в такого рода конструкциях невозможно, т.е. семантически исключается употребление форм настоящего времени и перфекта. Очевидно, связано это с тем, что и форма настоящего времени, являясь в большей степени формой выражения актуального действия, формой, выражающей соответственно прямую информацию, неспособна в данном случае участвовать в косвенных информационно-конструкциях. Употребление же форм прошедшего времени совершенноного вида и несовершенного вида с формой плюсквамперфекта в приведенной выше синтаксической конструкции закономерно в ингушском языке: *Со дIахъача из цIагIа вацар: балха вахавар / Когда я пришел, его не было дома: ушел на работу*. Формой *вацар / не было* актуализируется значение констатации факта, который говорящий застиг после своего прихода – некий результат предыдущего действия – отсутствие искомого лица, и, исходя из этого факта, уже говорящий делает свой вывод о событии, которое предшествовало данному факту. Отсюда можно сделать вывод о том, что форма плюсквамперфекта в отличие от формы перфекта (реализующей значение прямой информации) проявляет, на наш взгляд, признак косвенной информации, т.е. говорящий не был свидетелем сообщаемого им события лично, но видел результат этого события. Сравним: *КIаънк школе вахар / водар / вахав – КIаънк школе вахавар / Мальчик в школу шел (НСВ) – ушел (СВ) – ушел (пф.) – Мальчик в школу ушел, как выяснилось (плпф.)*.

Помимо этих эвиденциальных признаков, ингушский глагол имеет и признак опосредованной информации, который реализуется специализированными для этого значения грамматическими аналитическими формами глагола, образованными при участии вспомогательного глагола *хила / становится* в форме перфекта и плюсквамперфекта *хиннад* и *хиннадар* (в дальнейшем мы будем именовать эти аналитические формы глагольными формами на *хиннад* и на *хиннадар*).

Мы склонны относить эти аналитические формы глагола к формам перфекта: формы на *хиннад* – это формы, образуемые от причастно-деепричастных форм глагола и формы перфекта вспомогательного глагола *хила: водаш хиннав – ваха хиннав / шел, оказывается – ушел, оказывается*; и к формам плюсквамперфекта: формы на *хиннадар* – это формы, образуемые от причастно-деепричастных форм глагола при помощи формы плюсквамперфекта вспомогательного глагола *хила / становится: водаш хиннав – ваха хиннав / шел, оказывается – ушел, оказывается* [1]. Причем аналитические формы перфекта ингушского языка выражают значение опосредованной информации, полученной от второго лица: *Ер дIахъача, из цIагIа хиннавац: балха ваха хиннав / Когда этот пришел, того не было дома: ушел на работу, оказывается*. Считаем необходимым акцентировать внимание на особенности ингушского языка, состоящей в том, что в подобного рода конструкциях, в которых передается опосредованная информация, возможно использование лишь формы третьего лица – *ер, из, ераш, уж / этот, тот, эти, те*. Это, по нашему мнению, свидетельствует о том, что предикативность, являясь основным признаком синтаксической единицы, объединяя в себе модальные, темпоральные признаки, варьируя их соотношение в зависимости от особенностей выстраиваемой синтаксической конструкции, в ингушском языке проявляет особое отношение к выбору синтаксического лица. То есть, если в синтаксической единице передается прямая информация, то здесь невозможно употребление третьего лица, а если идет передача опосредованной информации, невозможно употребление первого лица. Вернемся, однако, к анализу форм аналитического перфекта в свете выражения ими значений эвиденциальности. Итак, следуя анализу, аналитический перфект ингушского глагола, на наш взгляд, специализирован на выражении информации через вторых лиц, т.е. говорящий передает информацию о событии со слов тех или того, кто был участником этого события: *Укхо хIама теха хиннай корах, бакъда, цIагIар Iимад яънна хиннаци, тIаккха тетта наIарах дIачуавънна хиннав ер / Этот постучал в дверь (пф.), но никто не отозвался (ан. пф.) и этот вошел, оказывается, в дом...* Интересен тот факт, что аналитическая форма перфекта в таком контексте часто соседствует с синтетической формой перфекта, становясь как бы глагольной формой, выполняющей роль вводной формы в контексте, и в этой роли данная форма часто встречается в фольклорных произведениях, в которых, как известно, повествуется о событиях, свидетелем которых говорящий не мог быть уже априори. Следует отметить, что тот факт, что аналитические и синтетические формы перфекта могут соседствовать в одном контексте, свидетельствует о том, что, вероятно, эвиденциальность – это значение, которое изначально было свойственно (сегодня уже синтетической) форме перфекта нахских языков.

Следующим средством выражения опосредованной информации в ингушском языке является аналитическая форма плюсквамперфекта. Данная форма выражает информацию, полученную говорящим уже не от вторых лиц, а от третьих, т.е. говорящий узнал о событии от участников этой ситуации, которые, в свою очередь, узнали о ней от вторых лиц. Сравним следующие формы: *водар (НСВ) / вахар (СВ) – вахавар (плпф.) – водаш*

хиннавар / ваха хиннавар (ан. плф.). Последней формой передается информация, полученная от третьего лица, другими словами, здесь мы имеем «цитатив» [8, с. 323], т.е. форму, передающую информацию о событии, полученную говорящим от кого-то: *Уж дIакхъчача Ахмад цIагIа нийсвеннавацар: балха ваха хиннавар из / Когда эти пришли, Ахмеда не было дома: ушел на работу, оказывается (ан. плф.)*. Употребление аналитического плюсквамперфекта *ваха хиннавар / ушел, оказывается* вызвано здесь тем, что третьи лица узнали о том, что искомого лица нет дома, от других, вторых лиц. Здесь интересен факт согласования глагольных временных форм в сложной конструкции предложения: первая глагольная форма – граммема косвенной информации (*нийсвеннавацар*), которая по своему значению вводит нас в ситуацию, участником которой говорящий не был; вторая глагольная форма – показатель опосредованной информации, т.е. говорящий сообщает нам о ситуации уже даже не от вторых лиц – участников события, а от третьих лиц, со слов которых участники ситуации узнали о причине отсутствия лица (*Ахмед* в данном контексте): *ваха хиннавар из – оказалось, он ушел (еще до того как...)*.

Заметим, что в кавказском языкознании существует термин «заглазность» действия [7], суть которого сводится к выражению такой косвенной информации, когда говорящий не был свидетелем описываемой ситуации, неизвестно даже, видел ли он ее результат или слышал о ней от третьих лиц, или же просто сам предположил, что данная ситуация имела место. При этом формы, выражающие данное значение, как правило, несут еще и дополнительную модальную нагрузку, т.е. выражают значение предположения, намерения, неуверенности говорящего в правдивости того, о чем он повествует. Здесь явно прослеживается связь эвиденциальности с оценочной модальностью, а точнее, с некоторыми значениями эпистемической модальности.

Основываясь на исследованном материале, можно заключить, что эвиденциальность является самостоятельной словоизменяющей категорией ингушского глагола (так как она имеет свои морфологические формы репрезентации в ингушском языке), тесно взаимодействующей с категорией модальности, темпоральности и аспектуальности. Кроме того, эвиденциальные значения глагола связаны также и с реализацией субъектно-объектных отношений. Все это свидетельствует о том, что, видимо, в категорию предикативности в ингушском языке, помимо модальности, темпоральности, персональности, следует включить и категорию эвиденциальности.

Таким образом, следует отметить, что эвиденциальность в языке, в принципе, не несет чисто модальной характеристики, как мы это увидели из анализа эвиденциальных признаков ингушских форм. К тому же ингушские глагольные формы на *хиннадар* (*в, й, б*) не проявляют в качестве основного значение временного дейксиса и временной дистанции, хотя и эти значения им не чужды (именно потому мы отнесли их к разряду форм со значением прошедшего времени), т.к. указанные значения могут актуализироваться в зависимости от контекста. И все же, основная функция данных форм в ингушском языке, по нашему мнению, сводится к выражению эвиденциального значения опосредованности информации (или типов информации).

Список литературы

1. **Барахоева Н. М.** Грамматические формы и категории глагола (на материале нахских языков). Нальчик: Тетраграф, 2011. 312 с.
2. **Барахоева Н. М.** Сопоставительный анализ форм прошедшего времени ингушского и немецкого языков. Назрань: Пилигрим, 2009. 113 с.
3. **Бондарко А. В.** (ред.) Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М., 2006. 352 с.
4. **Виноградов В. В.** О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике: Избранные труды. М.: Наука, 1975. С. 53-87.
5. **Дешериева Т. И.** Категория модальности в нахских и иноструктурных языках. М.: Наука, 1988. 207 с.
6. **Долакова Р. И.** Система прошедших времен в чеченском и ингушском языках // Известия ЧИНИИИЯЛ. 1961. Т. 2. С. 3-71.
7. **Кибрик А. Е.** Опыт структурного описания арчинского языка: в 4-х т. М.: МГУ, 1977. Т. 2. Таксонимическая грамматика. 352 с.
8. **Плунгян В. А.** Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
9. **Чрелашвили К. Т.** Цова-тушинский (бацбийский язык). М.: Наука, 2007. 278 с.
10. **Chafe W., Nichols I.** Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology. Norwood – New Jersey: Ablex Publishing Corp., 1986. 352 p.

ON THE ISSUE OF EXPRESSION MEANS OF TYPES OF INFORMATION IN THE INGUSH LANGUAGE

Barakhoeva Nina Mustafaevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Ingush Scientific and Research Institute for Human Sciences named after Ch. E. Akhriev
Ingush State University
bIarahoi@rambler.ru

The article deals with the problem of the transmission of the types of information in the system of the Ingush verb. The correlation of the category of evidentiality with other verbal categories in the Ingush language is followed. Moreover, the system of information types, inherent in the Ingush language, and the system of grammatical forms of the Ingush language, specialized in the expression of information types, are established.

Key words: information type; evidentiality; perfect; past perfect; analytical forms of the verb; the obviousness of the action; noneyewitness of the action.